№ 37
СЕНТЯБРЬ 2017
ЭЖ ЮРИСТ

МЕСТО АРБИТРАЖА vs МЕСТО ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ

Рассмотрение Арбитражным судом г. Москвы дела № А40-219464/16 о признании и исполнении на территории РФ решения Российско-Сингапурского арбитража по заявлению ООО «Коммон Лигал Проперти» вызвало немало шума. Особенно интересным в этом деле является то, что, несмотря на одну и ту же причину отказа (противоречие публичному порядку), позиция суда, изложенная при первом круге рассмотрения дела, совсем иная, чем при втором. И сказать, что вторая позиция однозначно правильная, к сожалению, сложно. Эксперты газеты «эж-ЮРИСТ» проанализировали решения по делу и мотивацию судов.

ФАБУЛА ДЕЛА

Два российских юридических лица (ООО «Коммон Лигал Проперти» и ООО «Техно-Артур») в гражданско-правовом договоре между собой указали, что все споры по договору передаются на разрешение в открытом режиме в государственный суд или в Российско-Сингапурский арбитраж (адрес в Сингапуре) по выбору истца. В результате обращения ООО «Коммон Лигал Проперти» в Российско-Сингапурский арбитраж с ООО «Техно-Артур» было взыскано 45 тыс. руб. В тексте решения местом арбитража был определен Сингапур, при этом судебное заседание было проведено фактически в Москве.

Отказывая в удовлетворении заявления в январе 2017 года, Арбитражный суд г. Москвы указал, что исполнение решения такого арбитража будет противоречить публичному порядку, так как рассмотрение спора между двумя юридическими лицами, зарегистрированными на территории РФ, вне территории РФ несовместимо с принципами построения правовой системы российского государства.

На самом деле такая позиция суда не была удивительной для российских правоприменителей, так как время от времени прослеживалась среди судов и даже до сих пор значительная часть юристов считается правильной.

Затем Арбитражный суд МО в марте 2017 года отменил определение суда первой инстанции, указав на то, что приведенный выше довод суда необоснован.

В результате повторного рассмотрения заявления в апреле 2017 года Арбитражный суд г. Москвы несколько изменил свое мнение и решил, что оно противоречит публичному порядку, но по другому основанию: в связи с тем, что фактически заседание судей состоялось в Москве, то местом арбитража нужно считать Российскую Федерацию и, соответственно, признавать и исполнять такое решение в порядке, предусмотренном главой 31 АПК РФ в обход норм главы 30 АПК РФ, будет являться нарушением публичного правопорядка РФ.

В июле 2017 года Арбитражный суд МО оставил в силе второе определение суда первой инстанции и поддержал в полном объеме доводы, изложенные в судебном акте.

Анна ЛАВРУХИНА,
адвокат, юридическая компания DS LAW,
г. Москва

Складывается впечатление, что заявление ООО «Коммон Лигал Проперти» было пробным шагом выяснения возможностей приведения в исполнение решений псевдоиностранных/международных третейских судов, но фактически принятых на территории РФ. Также понятно, что удовлетворение рассматриваемого заявления означало бы некоторую легализацию возможности создания псевдоиностранных/международных третейских судов, на которые не распространяются требования российского законодательства, но, по сути, для нужд российских предпринимателей.

Несмотря на это, решения судов должны быть законными и обоснованными.

Надо отдать должное, что суд кассационной инстанции, отменяя первоначальное определение суда первой инстанции, на мой взгляд, избавил правоприменителей (в том числе российские компании) от новой серьезной волны ограничений в части выбора «иностранной» и «международной» третейской подсудности российскими предпринимателями. Выбор такой подсудности действительно в целом не ограничен нормами законодательства РФ, за исключением отдельно взятых случаев, которые прямо определены в законе (речь идет об исключительной подсудности на территории РФ).

Отмена первоначально неправильного определения привела к принятию, на мой взгляд, более обоснованного, но не бесспорного судебного акта.

Обращаясь к нормам глав 30 и 31 АПК РФ, можно сделать следующий вывод:

– в целях получения исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов и международных коммерческих арбитражей, принятых на территории РФ, необходимо обращаться в арбитражный суд по правилам главы 30 АПК РФ;

– в целях признания и принудительного исполнения решений третейских судов и международных коммерческих арбитражей, принятых ими на территориях иностранных государств, используется порядок, установленный в главе 31 АПК РФ.

Как видно, для российского процессуального закона важно не то, где создан третейский суд, является ли он российским, иностранным или международным коммерческим арбитражем, а то, где территориально принято решение.

Также видно, что АПК РФ в указанных нормах не использует понятие «место арбитража», а речь идет исключительно о месте принятия решения. Видимо, это связано с тем, что понятие места арбитража в международных нормах о третейском разбирательстве (например, Типовом законе ЮНИСТРАЛ), а также в новых российских нормах (Федеральном законе от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) Российской Федерации», Законе РФ от 07.07.1993 № 5338-1 «О Международном коммерческом арбитраже») определено таким образом, что позволяет в качестве места арбитража указывать фактически любое место.

Возвращаясь к фабуле дела, мы видим, что из текста самого решения Российско-Сингапурского арбитража следует, что оно принято в Москве. В связи с этим, исходя из буквального толкования норм АПК РФ, нельзя не признать, что принудительное исполнение такого решения (получение исполнительного листа) нужно осуществлять в порядке главы 30 АПК РФ, а не в порядке главы 31 АПК РФ (в котором было заявлено требование).

В этом смысле суд дал правильное разъяснение, но к нарушению основ правопорядка подача заявления по неприменимому порядку, на мой взгляд, не имеет отношения. Мне кажется, правильнее было бы рассмотреть заявление ООО «Коммон Лигал Проперти» в порядке, предусмотренном главой 30 АПК РФ, и отказать по другим основаниям, если для этого были причины (например, если состав третейского суда или процедура арбитража не соответствовали соглашению сторон или федеральному закону). Вероятно, что в рассматриваемом случае такого основания могло бы и не найтись, так как на момент рассмотрения дела новый закон – Закон № 382-ФЗ – еще не вступил в силу.

В то же время не решена и такая проблема, которая потребует законодательного урегулирования в ближайшем будущем: что считать местом принятия решения, если заседаний было несколько и каждое проходило в разной стране; если заседание, на котором было принято решение, проводилось путем использования интернет-технологий и каждый из арбитров находился в разной стране. Полагаю, в ближайшем будущем правила определения порядка принудительного исполнения решений третейских судов, поставленные в зависимость от места принятия решения, перестанут быть актуальными и не позволят корректно определять нормы, подлежащие применению в том или ином случае. При этом важно установить такие нормы, которые, с одной стороны, будут соответствовать современным технологиям, не будут ограничивать волю предпринимателей на выбор третейской подсудности, с другой строны, не позволят исполнять на территории РФ решения псевдоиностранных/международных судов.

Остается и открытым вопрос: стоило ли вообще устанавливать серьезные требования к третейским судам на территории РФ, если их выбирают сами участники предпринимательских отношений? К сожалению, придется признать, что реалии российской действительности на сегодняшний день не позволяют обойтись без соответствующего регулирования и пока еще общее правосознание и способы реализации прав не допускают оставить состав третейских судов вне рамок законодательного регулирования.

Виктор ПЕТРОВ,
руководитель Арбитражной практики,
юридическая фирма VEGAS LEX,
г. Москва

Эльвира ХАСАНОВА,
младший юрист Арбитражной практики,
юридическая фирма VEGAS LEX,
г. Москва

Определение, вынесенное Арбитражным судом г. Москвы, представляется, на наш взгляд, законным и обоснованным. Оно является логичным продолжением как международных правовых актов, так и тенденций российского законодательства в сфере регулирования международных арбитражей и арбитражей внутренних споров. Данное решение является важным также для оценки перспективы работы внутренних третейских судов и международных арбитражей в России. Так, новый Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» регулирует устройство арбитражей внутренних споров. Он предусматривает, что сейчас на территории РФ получить право на осуществление функций постоянно действующего арбитражного учреждения можно только при соответствии ряду условий. Например, среди требований указывается репутация некоммерческой организации, при которой создается постоянно действующее арбитражное учреждение, масштаб и характер ее деятельности с учетом состава ее учредителей (участников), который позволит обеспечить высокий уровень организации деятельности постоянно действующего арбитражного учреждения, в том числе в части финансового обеспечения создания и деятельности соответствующего учреждения, осуществление указанной организацией деятельности, направленной на развитие арбитража в Российской Федерации.

Проверка таких характеристик для третейских судов будет в новинку и, соответственно, затруднит получение разрешения на осуществление функций постоянно действующего арбитражного учреждения для многих организаций.

Новый Закон № 382-ФЗ, предъявляющий высокие стандарты для организации третейских судов, позволяет законодателю обеспечивать единое правовое поле для разрешения коммерческих споров, обеспечивающее сторонам эффективное и беспристрастное разбирательство. Соответствующие требования предъявляются в АПК РФ к принудительному исполнению решений третейских судов, принятых на территории РФ.

В фабуле рассматриваемого определения Арбитражного суда г. Москвы усматривается возможность обойти новые требования для арбитражей внутренних споров, которую создатели третейских судов в России в будущем могут использовать для продолжения своей деятельности. Формально регистрация третейского суда в иностранной юрисдикции и вынесение решения такого третейского суда удаленно либо в месте нахождения сторон (как в рассматриваемой ситуации – в Москве) не противоречат требованиям применимых норм международного права и российского законодательства.

Определение АС г. Москвы предусматривает решение этой проблемы для практики с помощью инструмента противоречия публичному порядку. Суд, трактуя обстоятельства дела, не применил формальный подход к ситуации, в которой арбитраж, разрешающий спор, только лишь называется международным. Это определение соответствует принципам, заложенным в международных актах и российском законодательстве, которые четко разделяют арбитраж внутренних споров и международный арбитраж. Подобное определение является позитивной тенденцией для российской судебной практики, поскольку не позволяет подменять два разных правовых института с различным регулированием и порядком исполнения.

Рассматриваемое определение устояло в суде кассационной инстанции, однако в картотеке арбитражных дел есть информация о подаче заявителем кассационной жалобы в Судебную коллегию по экономическим спорам Верховного Суда РФ. Оценка ВС РФ обстоятельств настоящего дела также будет иметь существенное значение для судебной практики, однако, поскольку в определении представлен исчерпывающий правовой анализ проблемы и фактических обстоятельств, велика вероятность того, что ВС не примет жалобу к производству.

Роман ЛЕЖНИН,
Адвокатское бюро «Лежнин, Сердюков,
Мельдер и партнеры»,
г. Ростов-на-Дону

Стороны договорились, что применимым правом по настоящему договору является право Российской Федерации. Суд в своем решении обратил внимание, что настоящее соглашение о применимом праве должно рассматриваться как непосредственно отсылающее к материальному праву РФ, а не к его коллизионным нормам. В соответствии с указанным положением договора спор рассматривался арбитражным судом на основании норм российского права.

Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» определяет понятие иностранного арбитражного учреждения, под которым понимается организация, созданная за пределами Российской Федерации и выполняющая на постоянной основе функции по администрированию арбитража вне зависимости от того, является ли она юридическим лицом или действует без образования самостоятельного юридического лица.

Действующий на момент принятия решения Закон о третейских судах не содержит понятия «иностранный арбитраж», но в Арбитражно-процессуальном кодексе имеется указание на иностранный суд и иностранное арбитражное решение.

Поскольку юридический адрес Российско-Сингапурского арбитража находится в Сингапуре, то его со всей уверенностью можно отнести к числу иностранных арбитражных учреждений. Но необходимым условием признания и приведения в исполнение в России решения иностранного арбитража в порядке главы 31 АПК РФ является принятие такого решения на территории иностранного государства.